

ОБРАЗ ГОРОДА В РОМАНЕ В.И. БЕЛОВА «КАНУНЫ»

Трилогия В. И. Белова «Кануны» (1987), «Год великого перелома» (1991) и «Час шестый» (1998) посвящена судьбе северной деревни в период коллективизации, поэтому основным фоном, на котором разворачивается действие, является Ольховская волость, деревни Шибаниха и Ольховица. В романе «Кануны» определяется общая для всей трилогии сюжетная линия – история семьи Роговых и их земляков, очерчивается круг персонажей, намечаются основные проблемы. Одна из сквозных проблем, поднимаемых в трилогии, – разрушительное влияние города на деревню, неспособность и нежелание горожан (прежде всего представителей государственной власти) понять ее дух, устройство, внутренний лад.

Пространственная модель «город» в чистом виде встречается у Белова только в романе «Все впереди» (1986), в пьесе «Семейные праздники» (1994) и в нескольких рассказах и несет отчетливо отрицательную смысловую нагрузку: это средоточие безнравственности, бездуховности, безбожия, лжи, лицемерия, прагматизма, цинизма, интриг и т.д. В городе утрачивается чувство родства с землей, распадается связи между людьми, обостряются конфликты поколений, человек перестает быть собой и сливается с массой. Такое же содержательное наполнение характерно для произведений, в которых город противопоставлен деревне как основному месту действия (киноповесть «Целуются зори», цикл «История одной деревни», пьесы «Над светлой водой» и «По 206-й» и др.). Рассматриваемая в резкой оппозиции к городу, деревня всегда является ценностной доминантой, даже в тех случаях, когда она уже не может в полной мере сохранить самобытность и естественность.

Первое же упоминание о городе в «Канунах» актуализирует мотивы невозвращения, болезни, смерти: двое сыновей шибановской нищей Тани не вернулись из Петербурга, третий – Никандр – в «двадцатом году <...> приехал из Питера, но приехал не один, а вдвоем с непонятной внутренней хворью»* (18) и вскоре умер. Поездка в Вологду Степана Лузина начинается со сцены на вокзале, где губернское партийное руководство и военные встречают поезд с телом Лашевича. Заметим, что в деревне на протяжении всего романа умирает только старый ольховский священник Сулоев, причем дом его находится на окраине села, а смерть спасает отца

* Текст с указанием страниц в скобках цитируется по изданию: Белов В.И. Кануны. – М., 1989.

Ирина от неминуемой высылки за пределы волости, и даже губернии, в принципиально «иной» мир. В отличие от «мокрого и дымного Питера» (180), от Москвы, над которой висит белая мгла, встает «золотушный ступок солнца», «никем не замечаемый и словно ненужный небу и городу», на стенах Кремля проступает «серебристый лишай инея» (45), где проезжающий сталинский «паккард» обволакивает гарью выхлопов Кутафью башню, от Вологды, где ночью «через мост в жиденьком электричестве» (301) едут золотари, от раскаленного зноем уездного городка, деревня с ее «озорным» и «дородным» морозом, «синими знобящими звездами», «рассыпчатым мягким снегом» (4) пока еще существует как цельное и здоровое пространство.

Смысловая нагрузка элементов оппозиции становится очевидной за счет описаний городского и деревенского домов. Типичным для Шибанихи является старый роговский дом, с его обжитым теплом, привычными запахами и звуками, дом, который «весело глядит на деревню» (8). Здесь живут четыре поколения Роговых, придя сюда «в примы», Павел Пачин не чувствует себя чужаком, здесь любят и уважают друг друга, радуются гостям, привечают нищих. Этот дом приспособлен для жизни: в нем все под рукой, здесь сохраняется еще предками заведенный бытовой порядок, каждый из домочадцев знает свои обязанности, каждый (и старый дедко Никита, и маленький Сережка) постоянно что-то делает, стараясь принести пользу всем. Роговский дом – пространство семьи, и центром этого дома, его душой является печь: «Большая, беленная раствором золы, сбитая много годов тому назад печь эта не остывала еще ни разу. Она кормила и поила дочь Верушку и ее брата, надежно лечила немочи деда Никиты» (84).

Совершенно иначе выглядит московский дом, в котором живет выходец из Шибанихи Петька Гирин. Это огромная коммуналка с застоявшимся запахом керосиновой гарь, с примусами, шипящими под дверями. Здесь никто ни на кого не обращает внимания, сонная и непричесанная женщина выходит в халате, застегнутом на одну пуговицу. Коммунальный статус городского дома поддержан и историей женитьбы Гирина, который приводит молодую супругу к Шиловским «за занавеску», а после Петькиного бегства из Москвы Клава вскоре становится женой его друга.

Специального разговора заслуживают описания Москвы. В романе их два, первое сюжетно совпадает с поездкой в столицу Данилы Пачина и попа Рыжка и дано с точки зрения наивных деревенских жителей. В восприятии столицы этими персонажами обращают на себя внимание устойчивые определения «Москва-матушка» (обращаясь к «матушке», Данило снимает шапку) и «белокаменная», демонстрирующие характерное для провинциала почтительно-родственное отношение к главному городу России.

Но уже сам городской пейзаж разрушает образ Москвы, сложившийся в традиции народной лирической поэзии: «большие черные дома стояли сплошняком, впритык друг к дружке» (57), город становится для героев лабиринтом, по которому они плутают в поисках гириного дома.

Вообще в этом эпизоде сконцентрированы мотивы растерянности, удивления, страха, незащитности («боязливо вышли из вагона», «не зная куда идти и как ехать дальше, они долго перетаптывались на одном месте», «Данило читал и не успевал прочитать ни одной вывески», «дивился, как много народу скопилось и живет в одном месте», «снова почувствовал свою незащитность: “Куда идти? Где искать Петьку Гирина да и что толку, коли найдешь? Лучше не ездить бы, а послать прошение по почте”»), на вопрос извозчика, по какому делу приехали, отец Николай предпочитает не отвечать, отшучиваясь: « – В Москву-то? В Москву разогнать тоску» (57–59).

Москва лишает героев возможности осознавать себя в пространстве, а следовательно, разрушает и национальную самоидентификацию: «Да с вечера вологодские были, – бодрился Николай Иванович. – А нынче зба советские» (57). Советский поп – сочетание невозможное, но именно его оксюморонный характер как нельзя лучше демонстрирует, насколько вывернут, искажен веками остававшийся неизменным образ жизни селянина в целом.

Такого рода нарушений привычной для деревни логики существования в романе довольно много: Игнаха Сопронов мешает венчанию Павла и Веры, пытаясь провести в церкви собрание; его брат «активист» Селька бьет стекла в храме; стариков, уважаемых в обеих деревнях, запирают в амбаре за порку «малолетка»; собственного обезножевшего отца братья Сопроновы таскают на закорках из дома в дом, поскольку кормят по очереди каждый в своей избе; Прозорова забирают за то, что он показывает Павлу газету с постановлением правительства; представители укома приходят арестовывать умершего священника; облагают непомерным налогом крепкие крестьянские хозяйства; распускают существующую уже несколько лет маслоартель. Все эти события предшествуют главному романному эпизоду – созданию колхоза. Данный эпизод, являющийся в романе кульминационным, – это воплощение хаоса, в который погружается разоренная деревня: «перераспределяют» по дворам скотину и двое суток никто не подходит – некормленным и непоеным животным, поскольку не назначены ни скотники, ни доярки; сносят в одно место упряжь и хозяйственную утварь, Зойка Сопронова, ссылаясь на то, что в колхозе все общее, пытается взять дрова из клюшинской поленницы.

Москва, увиденная глазами провинциала, совмещает в себе два смысловых начала. Прежде всего, это оплот государственной власти, поэтому из ряда элементов, составляющих образ города, выделены Кремль и зда-

ние, в котором размещается ЦКК. Эта власть угрожает деревне, в которой все люди на виду, а каждое слово и действие имеет совершенно определенный смысл, своей безликостью и анонимностью (Калинина Пачин узнает, Сталина – нет).

Поездка в Москву Данилы и отца Николая сюжетно мотивирована поиском справедливости, стремлением восстановить гражданский статус. Встреча Пачина и Калининым и Сталиным и обещанное возвращение права голоса, казалось бы, дает основания считать, что Данило достигает поставленной цели, «Москва-матушка» не подвела его. Однако, хотя из столицы и придет соответствующая бумага, фактически именно с визита Данилы во властные «верха» начнется борьба с «кулацким элементом» в масштабах всей страны, и поездка в Москву кузнеца Гаврилы Насонова, который является своеобразным двойником Пачина-старшего, не будет иметь даже временного результата, а история путешествия в Москву этого героя, останется за рамками романного сюжета.

Но в «Канунах» при первом описании Москвы еще сохраняется иллюзия того, что столичный город – часть «своего» мира, близкого и узнаваемого, поскольку в нем, как и в деревне, Данило видит лошадей, какой-то садик, реку, узорчатые маковки Покровской церкви.

Именно московские церкви выполняют функцию *своего* пространства внутри чужого: «...запратанная в тихий проулок церковь была очень похожа на шибановскую: на путников пахнуло родной деревней» (60). Но такая знаковость ставится под сомнение дальнейшим развитием действия: происходящее в столичном храме (вторжение в него «тройки», обыск, бегство Данилы и отца Николая, преследование) определяет дальнейшую судьбу обоих персонажей, их конфликт уже с местными властями, гонения, арест Перовского, вынужденное вступление в колхоз Пачина.

Второе описание – Москва, увиденная глазами уже давно живущего здесь Петьки Гирина. Это прежде всего пространство, удаленное от Шибанихи: «...деревня и родина <...> казались ему далекой землей, куда, может быть, никогда не будет возврата» (72). Освоенная Петькой столица – бытовое пространство, которому Шибаниха противопоставлена как место идеальное, сакральное. Московскому шуму, суете, звукам танго и фокстрота, бестолковым танцам, газетам и журналам с шарадами, головоломками и «всевозможными фокусами», уже начавшимся политическим процессам, собраниям и митингам противопоставлено детское Петькино воспоминание о шибановской церкви, о «широком, всепроникающем» пении, которое «пронизало все его маленькое существо» (72). Этот «самый прекрасный в жизни и мире звук» (72) спасает его душу от подлости и предательства.

Именно понимающий взгляд Гирина, с которым совпадает взгляд повествователя, способен выделить из московской толпы, одетой в юнг-

штурмовки и гимнастерки, деревенских ходоков, пришедших сюда в поисках правды, и беспризорников, которые «сотнями прибывали с юга» (79), то есть тех, кого Москва не подпускает к себе, первых «вылавливая», вторых определяя в детприемники силами милиции.

По отношению к деревне город (и Москва, и Вологда, и уездный центр) выполняет либо потребительскую, либо репрессивную функцию. Город требует от деревни продовольствие, отсюда приезжают уполномоченные (Ерохин, Меерсон, Смирнов) и направляются директивы – либо далекие от насущных для деревни вопросов, либо прямо угрожающие традиционному укладу сельской жизни: о помощи китайцам, о проработке материалов XV партсъезда, о создании колхозов, о повышении сельхозналога и самообложения, о чистке в кооперации, о разверстке по крестьянскому займу, о борьбе с классово чуждым элементом, о создании групп бедноты, которую уездные, губернские и столичные власти противопоставляют крепким крестьянским хозяйствам, вызывая раскол в деревенском мире.

В город посылает свои доносы Игнаха Сопронов и, как правило, меры незамедлительно принимаются, вследствие чего одни герои вынужденно покидают деревню, а жизненный уклад других полностью меняется. Донос на Бухарина заставляют подписать в Москве Петьку Гирина, который, усомнившись и признавшись в содеянном, вынужден скрываться под другими именами то ли в Вологде, то ли в Москве, то ли в Ленинграде. Анонимки поступают в Вологодский губком; практика доносительства постепенно проникает в деревню и распространяется там усилиями Сопронова. Доносами занимается «соплюн» Селька, от нищенки Тани Игнаха требует участия в разоблачении «эсплотаторов» Роговых, подпавшая Носопыря, заставляет его слушать, что говорят о власти мужики из зажиточных домов.

Игнаха Сопронов – самый опасный для деревни человек, поскольку, в отличие от идеологов коллективизации и борьбы с кулачеством из столицы, воспринимающих сельский мир абстрактно, он лично знает каждого жителя волости, и тем страшнее его ненависть, ничем, кроме детских комплексов, начинающейся психической болезни и зависти к мужикам, умеющим работать на земле, не мотивированная. Он не привязан ни к дому, ни к жене, ни к отцу, его влечет власть как таковая, поскольку дает право карать врагов не столько партии, сколько самого Игнатия. Сопронов выступает в деревне от имени уездного города, но жители Шибанихи видят в нем прямое воплощение антихристовой силы:

«– Проведем, товарищи, шибановское собрание граждан! Я как посланный уисполкома...

– Дьяволом ты послан, а не исполкомом! – громко сказал Евграф.

– Господи, до чего дожили...» (91).

Процессы, которые в конце концов приведут деревню в лице самых крепких крестьян к гибели (вторая и третья части трилогии), город начал инициировать задолго до описываемых в «Канунах» событий. В юности Владимир Прозоров переправлял из Петербурга в уезд революционную литературу, выходец из деревни Заришной Саша Хлынов, уехавший мальчишкой в столицу, «возил из Питера крамольные листы и запрещенные книги» (440). Первая же книга («Жизнь Иисуса» Э. Ренана), полученная Степаном Ключиным от Хлынова, произвела свое разрушительное действие: после нее Ключин перестал ходить в церковь.

Слово «крестьянин» этимологически восходит к «христианину», вера в Бога – органичное состояние для русского селянина. Апокалипсис для деревни начинается тогда, когда эту веру подвергают гонениям, когда атеизм становится не выражением свободы совести, как, например, у Прозорова, а сознательно осуществляемой государственной идеологией.

И именно город как изоморф государства несет ответственность за то, что деревня Шибаниха и сотни подобных ей исчезнут с лица земли (послесловие к роману «Час шестый»).